

Набережная реки Ушайки, весна 1928 года

«Вода, вода, кругом вода»

Сто двадцать пять лет назад, в апреле 1887 года, случилось в Томске сильное наводнение. Томь вскрылась раньше Оби, и так как выход был закрыт, вода стала стремительно прибывать. Подобные неприятности наблюдались и раньше. В томских хрониках зафиксированы, к примеру, следующие даты половодий: 1804, 1814, 1820, 1824, 1829, 1841, 1843, 1856...

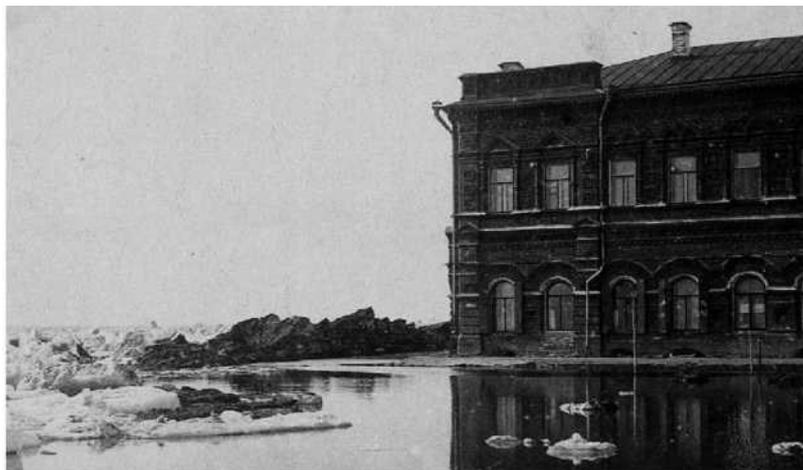
Перечислять нет смысла, остановимся на одном, особенно катастрофическом по своим последствиям, наводнении. Речь идёт о событиях 1947 года.

После снежной и суровой зимы в первых числах апреля неожиданно наступило резкое потепление. Лёд оставался крепким, а вода прибывала по пятьдесят шесть сантиметров в сутки. Десятого апреля начался ледоход, но сразу же в районе Белобородова образовался крупный затор. Через пять дней хаотическое нагромождение льда непрерывной грядой растянулось на двадцать пять километров. Лдины выдавливали на берег, на палубы судов, что стояли в устье Ушайки. А вода всё прибывала и к семнадцатому апреля достигла одиннадцати метров над нулём водомерного поста. Понадобилось десять дней на проведение взрывных работ. Причем никаким транспортом воспользоваться было нельзя, взрывчатку доставляли где на санках, где на плечах...

Треть города оказалась затопленной, включая площадь Батенькова. Когда нашествие воды закончилось, посреди Томи не обнаружили острова Зелёного, а по всей пойме были срезаны тальниковые заросли, телеграфные столбы и деревянные постройки.

Нельзя сказать, что меры к защите города от наводнений не предпринимались. Уже в 1911 году небольшой дамбой в районе ул. Мельничной перегородили путь воде в Сухое озеро. Следующий этап - строительство дамбы в районе Заисточья (от водозабора до ТЭЦ-1). Осуществление столь грандиозного проекта стало возможным в 1915 году за счёт использования квалифицированных рабочих рук из числа австрийских военнопленных.

В 1918 году организовано

Набережная реки Томи в районе ул. К. Маркса

бесперебойное наблюдение за ежесуточными и годовыми колебаниями воды в Томи. Накопленные сведения позволили спроектировать и построить Северную оградительную дамбу от устья Ушайки до железнодорожной станции Черемошники (существовала до 1953 года).

С 1931 года по 1946-й Северная дамба надёжно защищала значительную часть города от затопления, но события 1947 года показали, что и этого недостаточно. Пока собирались наращивать те дамбы, которые были, проблема разрешилась как бы сама собой. Ниже Томска построили Сибирский химический комбинат. В ходе производственной деятельности он долгие годы сбрасывал тёплую воду в Томь, что исключало появление ледяных заторов на самом опасном участке - в Белобородове.

Вторым фактором, снижающим опасность затопления города, стала добыча гравия в Томи. Ценный строительный материал грузили на баржи и охотно распродавали в другие регионы. Один плавкран типа «Ганц» (см. фото) способен был за навигацию достать со дна и отгрузить миллион тонн гравия. Плюс в подмогу закупили в Чехословакии ещё более производительные земснаряды ПЧС-450 (на одном из них автор работал механиком). Однако разбогатеть на гравии город так и не сумел: русло Томи настолько углубили, что прежней полноводной реки у нас просто не стало. Реже случались и наводнения, но радоваться этому не приходится, поскольку перестал существовать некогда могучий и очень полезный в Сибири водный транспорт. Вспоминается история с самоходным судном, которая случилась в 1994 году: за одну ночь уровень воды в Томи упал настолько, что капитан утром обнаружил под днищем не волны, а твердь земную, то есть судно «обсохло». Так и «загорали» целое лето недалеко от Коммунального моста.

Плавкран ПК-12 «Ганц». Томский речной порт, 1975 год

«Славянский базар» в обороне.
Конец 1940-х – начало 1950-х годов

Но это далеко не всё. Грубое (можно сказать, варварское) вмешательство в гидрологию дна реки привело к невозполнимым экологическим потерям. Ещё в середине двадцатого века томские рыбаки обеспечивали высококачественной продукцией (стерлядь, муксун, сырок, осётр) не только нашу область, но и соседние регионы - Кузбасс, Урал и другие. А сейчас?

Говорю об этом как очевидец и как участник разрушительной работы, которая похоронила эти достижения. Ведь никто не объяснял нам, доблестным добытчикам гравия, смысл происходящего. И только в 1975 году, на курсах повышения квалификации в Ленинграде, я услышал от одного крупного специалиста фразу, смысл которой сводился к следующему: «Вот все вы в этом зале заслуженные производственники, отцы-командиры, усыпанные наградами и высокими регалиями. И всех вас, как военных преступников, надо бы отдать под суд». Далее последовало обстоятельное изложение сути процессов в

природе, вмешиваться в которые равносильно преступлению. Относилось это в полной мере и к биологической среде рек, озёр и морей, куда доступ у нас практически не возбраняется. Нам странно было слышать, что у американцев любая деятельность на дне реки может осуществляться только с разрешения Конгресса США.

После таких «откровений» лично для меня дальнейшая работа на реке стала невозможной, пришлось сменить профессию. Конечно, и у нас есть законы по охране природы, на местах работают соответствующие департаменты. Но за прошедшие годы как не было, так и нет реальных результатов, которые бы свидетельствовали о выздоровлении Томи. Вода в ней давно уже непригодна не только для питья, но и для купания. Обстоятельства заставили запустить в декабре 1973 года первую очередь подземного забора воды из артезианских скважин в экологически чистом междуречье Томи и Оби. С 1990 года в город подаётся вода исключительно из подземных источников (речная только для горячего водоснабжения).

Настало вроде бы благополучие, но шаткое. Во-первых, тревожит активизация застройки левобережья (откуда и берётся питьевая вода), а во-вторых, на недавнем Всемирном водном форуме эксперты ООН предупредили о надвигающейся катастрофе: сегодня почти семьсот восемьдесят миллионов жителей планеты испытывают острую нехватку воды, дальше этот показатель будет только увеличиваться. Объясняется это стремительным ростом народонаселения и нерациональным управлением ресурсами. Определённую роль играет и изменение климата. Совсем недавно показали телерепортаж о засухе в Англии, где в приказном порядке запрещено расходовать воду на поливку садов и огородов, даже машины не разрешается мыть, можно только протирать стёкла. Скорее всего, это временное явление, но уж очень оно похоже на предупредительный звонок. Не пора ли всерьёз обратить внимание на состояние водных ресурсов и особенно на их расходование.

Ни для кого не новость отсутствие альтернативных источников водоснабжения. Ещё недавно можно было при необходимости взять ведёрко и сходить до ближайшей колонки. Но они исчезли одна за другой, а если где и есть, то сведения об этом не распространяются. Когда-то Томск славился своими родниками. Хорошо бы заранее привести их в порядок, вполне могут пригодиться. Кризис ведь ещё только приближается, но Томск с его традиционным стремлением к первенству может ощутить нехватку воды значительно раньше других.

Не совсем понятно, зачем нам так настойчиво предлагают ставить водосчётчики, когда полезней были бы конструктивные решения по уменьшению расхода воды.

С детских лет, проведённых в Казахстане, помню бережное отношение к воде, потому что доставлять её для бытовых нужд и для поливки огорода приходилось издалека и на себе. В каждом доме был умывальник с клапаном в нижней части (такие сохранились в пассажирских вагонах), и это значит, что попусту ни капли не прольётся. Можете представить моё потрясение, когда после Казахстана я приехал во Львов, потом в Новосибирск и видел одну и ту же картину: утренние умывания с открытым краном, из которого под напором хлещет вода... С тех пор прошло полвека, но ничего не изменилось в бытовой сантехнике, кроме внешнего лоска и блеска.

Зато всё чаще слышны жалобы на залитые подвалы, на эпизодически возникающие ручьи с различными оттенками чистоты и запаха.

Да, значительная часть Томска построена на болоте, но в прежние времена внимательно относились к сооружению дренажных систем. Останки их часто встречаются при рытье котлованов под новое строительство. Если бы старый город не трогали, не было бы и сегодняшних проблем с подтоплением домов. Но «вторжение» получилось таким нахальным и бессистемным, что последствия трудно даже вообразить.

Кстати, ливневая канализация, построенная в недавние времена, оказалась не настолько совершенной, как предполагали. Вспоминается курьёзный случай: во время сильного дождя на углу пр. Ленина и ул. 5-й Армии образовался такой бурный поток воды, что пьяный мужичок, пытаясь перейти улицу, был сбит с ног и... поплыл, отчаянно размахивая руками.

Вода - наше всё: основа жизни и существования. С древности люди селились возле воды, почитали её, берегли, святили в Крещение и использовали как средство от всех недугов. Откуда появилось это пренебрежение к воде?

Устье Ушайки в начале двадцатого века...

...и в начале двадцать первого

На памяти ныне здравствующих томичей - целый ряд мест отдыха на Томи: Басандайка, Потаповы лужки, Лагерный сад, Коммунальный мост (по обоим берегам). Заисток и далее до Черемошек. Были водные станции, прокат лодок, шлюпочные соревнования и дальние походы спортсменов-водников. Куда всё это делось?

Сравним два снимка центра города в месте слияния рек Томи и Ушайки. До революции здесь выгружали товары с пришедших издалека пароходов, процветала торговля, Томск богател и развивался. Сегодня мы видим красивую набережную и пустую реку, по которой могли бы прибывать туристы и негодцианты, но не на чем - флота нет.

Напрашивается коварное предложение: пусть ответственные должностные лица и депутаты проводят летние отпуска исключительно на берегах Томи в черте города. Есть предчувствие, что очень скоро последуют перемены и конечно же в лучшую сторону.

*Эдуард Майданюк, главный библиотекарь
Томской областной библиотеки им. А. С. Пушкина*